К вопросу о принципах уголовного судопроизводства в машиночитаемом праве

Девяткин Генрих Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, НИУ Московский институт электронной техники, devyatkings@gmail.com

В статье рассматривается проблема имплементации фундаментальных принципов уголовного судопроизводства к реалиям цифровизации и технологического прогресса. Автором анализируется понятие и признаки высокотехнологичного права, а также машиночитаемого права как его компонента. Предпринята попытка рассмотреть проблемные аспекты рисков реализации принципов уголовного судопроизводства в условиях машиночитаемого права и обеспечения прав участников.
Выводы: целесообразно рассматривать вопрос развития машиночитаемого права через техническую и правовую возможность обеспечения реализации принципов уголовного судопроизводства как наиболее чувствительную сферу гарантий прав участников.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, высокотехнологичное право, принципы права, презумпция невиновности, право на защиту.

Введение

Высокотехнологичное право (High-Tech Law) - одна из самых молодых и дискуссионных концепций в российской юридической науке, которая стремится описать симбиоз права с передовыми технологиями. Его появление обусловлено экспоненциальным развитием таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн и робототехника, которые проникают во все сферы жизни и требуют как адекватного регулирования, так и коренного пересмотра самих методов правотворчества и правоприменения.

В основе этой концепции лежит признание того, что общество вступило в эпоху, когда право не может оставаться прежним и вынуждено эволюционировать. Профессор Л.В. Бертовский, один из главных идеологов этого направления, называет данный процесс симбиотическим сценарием развития права, при котором оно не отрицает технологии и не подчиняется им, а вступает с ними в тесное взаимодействие [1, С. 738].

Ключевым для понимания является тот факт, что легального определения «высокотехнологичного права» в российском законодательстве пока нет. Более того, как отмечает профессор О.А. Пучков, отсутствуют определения и смежных понятий, таких как «высокие технологии» и «цифровое право», что порождает доктринальные споры [2, С. 166].

Материалы и методы

Ключевые признаки высокотехнологичного права:

1) Наукоемкость и логистичность: этот регулятор требует глубоких знаний не только в юриспруденции, но и в конкретных технических областях, а также умения выстраивать сложные, логически непротиворечивые цепочки норм и процедур;

2) Инструментальность: право начинает использовать высокотехнологичные информационно-коммуникационные системы для повышения собственной эффективности;

3) Динамизм и адаптивность: в отличие от консервативного классического права, высокотехнологичное право вынуждено быстро адаптироваться к постоянно меняющемуся технологическому ландшафту. Обсуждается даже появление «адаптивных норм»;

4) Новые субъекты права: ставится вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта и роботизированных систем;

5) Этическая нагруженность: поскольку технологии напрямую вторгаются в частную жизнь и фундаментальные права, это право пронизано этическими дилеммами. Речь идет о приоритете прав человека над автономными системами, объяснимости алгоритмов и киберустойчивости.

Таблица 1
Соотношение принципов и высокотехнологичного права

Принцип	Назначение по УПК РФ	Значение для высокотехнологичного права
Законность	Строгое соответствие действий участников процесса закону	Обеспечивает легитимность цифровых процедур, автоматизированных решений
Презумпция невиновности	Обвиняемый считается невиновным, пока вина не доказана	Защищает от предвзятости алгоритмов ИИ при анализе доказательств
Состязательность сторон	Равные возможности сторон представлять доказательства и аргументы	Защищает от предвзятости алгоритмов ИИ при анализе доказательств
Гласность	Открытость судебного разбирательства	Реализуется через онлайн-трансляции, электронные публикации решений
Разумный срок	Своевременное рассмотрение дела	Автоматизация рутинных процессов ускоряет производство по делу
Неприкосновенность жилища	Ограничение вмешательства в частную жизнь	Требует строгого контроля за цифровым сбором и обработкой персональных данных

Литературный обзор

Принципы как драйверы технологической модернизации (влияние права на технологию). Здесь работает логика: фундаментальная правовая цель требует новых технологических средств для своего достижения. Принципы выполняют функцию социального заказа для разработчиков.

Разумный срок судопроизводства (ст. 6.1 УПК) как двигатель цифровизации. Этот принцип - главный «ускоритель» внедрения технологий. Он создает объективную потребность в инструментах, которые способны «сжать» время без ущерба для качества. Традиционное «ручное» отслеживание темпоральных параметров не способно обеспечить требуемый уровень процессуальной дисциплины. Как следствие, каждая норма, устанавливающая длительность либо момент истечения срока (от периода задержания до продолжительности предварительного следствия), подлежит переводу в цифровой идентификатор. Машиночитаемое право позволяет осуществлять автоматизированный мониторинг таких сроков, инициировать процедуры их продления и, при наступлении критических значений, генерировать юридически значимые уведомления либо блокировать дальнейшие процессуальные действия при отсутствии надлежаще формализованного акта продления. Сама процедура рассмотрения заявления об ускорении судопроизводства может быть представлена в виде алгоритмической цепочки, в рамках которой система на основе выявленных темпоральных нарушений формирует проект постановления, оставляя итоговое решение за человеком.

Электронный документооборот и «электронное дело»: чтобы сократить сроки ознакомления с материалами, их пересылки и обработки, неизбежен переход от бумажных томов к единой защищенной цифровой платформе. Принцип разумного сока напрямую обосновывает бюджетное и организационное обеспечение такой платформы.

Системы предиктивной аналитики для оценки нагрузки: для соблюдения этого принципа председатели судов и руководители следственных органов нуждаются в высокотехнологичных инструментах, позволяющих на основе больших данных прогнозировать нагрузку, выявлять «узкие места» и автоматически перераспределять дела, не допуская волокиты.

Язык уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК) как стимул для Legal Tech. Этот принцип создает перманентный запрос на развитие технологий перевода. Искусственный интеллект-переводчик: право на бесплатного переводчика, гарантированное ст. 18, сталкивается с дефицитом квалифицированных специалистов по редким языкам и диалектам. Это стимулирует разработку высокоточных ИИ-сервисов судебного перевода, основанных на специализированных юридических лингвистических моделях, способных работать в режиме реального времени.

Язык уголовного судопроизводства стимулирует создание многоязычных машиночитаемых шаблонов и онтологий. Обеспечение коммуникативной доступности процесса для лиц, не владеющих языком судопроизводства, требует стандартизации массива процессуальных документов. Формирование утвержденной базы машиночитаемых клишированных форм (протоколов, постановлений, памяток прав) на государственном языке и их официально верифицированных эквивалентов на иных языках позволит информационной системе автоматически выбирать соответствующий языковой вариант при идентификации языкового статуса участника. Для этого необходима разработка юридической онтологии, в рамках которой каждому термину на русском языке ставится в соответствие его семантически точный машиночитаемый аналог на другом языке, исключающий неоднозначность правового толкования.

Принципы как этико-правовые барьеры (влияние права на безопасность технологии). Это самая чувствительная сфера. Здесь принципы работают как фильтр, определяя, какие технологии и в каком виде могут быть допущены в уголовный процесс, чтобы не разрушить его справедливую сущность.

Презумпция невиновности (ст. 14 УПК) и свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК) против «черного ящика» ИИ. Это главный фронт борьбы. Внедрение систем ИИ для оценки доказательств или риска рецидива (практика, известная по системе COMPAS в США) наталкивается на практически непреодолимый барьер в виде этих двух принципов.

Проблема «черного ящика»: если алгоритм на основе непрозрачных для человека факторов выдает заключение о «склонности» обвиняемого ко лжи или о высоком риске совершения нового преступления, это прямо нарушает требование ч. 2 ст. 17 УПК о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы», а также ч. 1 ст. 17 об оценке по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств.

Запрет на перекладываение бремени доказывания: как мы помним, бремя доказывания лежит на обвинителе (ч. 2 ст. 14 УПК). Если сторона обвинения, используя некую технологию анализа больших данных, начинает требовать от защиты опровержения «цифрового следа», презюмируемого как доказательство вины, это создает феномен «цифровой презумпции виновности», который категорически несовместим с нашей системой принципов.

Принципы неприкосновенности (ст. 10, 12, 13 УПК) как барьер для тотальной слежки. Эти принципы очерчивают «красные линии» для применения технологий сбора данных.

Виртуальный обыск: технологии удаленного доступа к смартфонам, облачным хранилищам или системам «умного дома» создают колоссальный интерес для следствия. Однако ст. 12 и 13 УПК, требующие по общему правилу судебного решения на любое вторжение в сферу частной жизни, ставят жесткий заслон на пути неправомерного использования этих высокотехнологичных средств.

Биометрическая идентификация: тотальное распознавание лиц в общественных местах, сопряженное с уголовно-процессуальной деятельностью, напрямую вторгается в сферу принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК) и охраны прав и свобод (ст. 11). Принципы требуют, чтобы любой такой инструмент был предметом не ведомственного, а законодательного регулирования с высочайшими гарантиями от злоупотреблений.

Принципы как основа для появления новых норм высокотехнологичного права (Симбиоз). Здесь принципы выступают как «генетический код», на базе которого должны быть созданы новые, высокотехнологичные институты.

Состязательность (ст. 15 УПК) порождает принцип «цифрового равноправия» (Digital Equality). Это один из ярчайших примеров того, как классический принцип создает новую высокотехнологичную норму. Если сторона обвинения использует сложный программный комплекс для моделирования событий преступления или анализа финансовых транзакций, формальное равноправие перед судом превращается в фикцию.

Требования высокотехнологичного права: Принцип состязательности в его высокотехнологичном понимании требует либо предоставления стороне защиты аналогичного технологического инструментария (и экспертов, способных с ним работать), либо обязательной сертификации и верификации государством используемого следствием программного обеспечения, с открытием его исходного кода для независимого аудита. Это новое поле для законодательства.

Право на обжалование (ст. 19 УПК) против автоматизированных решений. Как обжаловать решение, принятое не человеком, а алгоритмом? Формирование новых институтов: высокотехнологичное право должно ответить на этот вызов, заложенный принципом. Это требует создания абсолютно новых институтов: права человека на «человеческое вмешательство» (human-in-the-loop), стандартов объяснимости ИИ, обязательности мотивировки отказа от автоматизированного решения должностным лицом. Принцип ст. 19 УПК делает невозможным отказ от этих новаций.

Результаты

Влияние принципов уголовного судопроизводства на развитие машиночитаемого права (МЧП) - это, по сути, процесс формализации правовых аксиом в алгоритмы. Машиночитаемое

право - это подход к представлению правовых норм в формализованном виде, который позволяет компьютерам автоматически обрабатывать, интерпретировать и применять законодательство без участия человека. В отличие от традиционных юридических текстов (написанных на естественном языке), машиночитаемые нормы записываются на специальных языках, понятных как человеку, так и компьютеру. Машиночитаемое право (Lex Machina, Rules as Code) предполагает, что норма права записывается на формальном языке (логические конструкции, графы, код), который может быть интерпретирован компьютером.

Под машиночитаемым правом в уголовно-процессуальной сфере предлагается понимать формализованную нормативную систему, репрезентованную в виде правовых онтологий, алгоритмически выраженных предписаний и автоматически исполняемых процедур. Данная форма позитивного права предназначена для интерпретации и применения программно-аппаратными комплексами без обязательного участия человека-правоприменителя. Формирование такой системы не является механическим переводом текста закона в цифровую среду, а предполагает построение его логико-семантической модели, способной, в частности, к верификации темпоральных ограничений, автоматическому генерированию типовых правоприменительных актов и выявлению нормативных коллизий.

Обсуждение

В отличие от ряда иных отраслей (например, налогового законодательства), уголовный процесс насыщен аксиологическими категориями и фундаментальными принципами, обеспечивающими защиту личности от необоснованного государственного принуждения. Вследствие этого воздействие принципов на формирование машиночитаемого уголовно-процессуального права носит двойственный характер: они, с одной стороны, очерчивают круг отношений, подлежащих формализации, а с другой - задают абсолютные ограничения для алгоритмизации дискреционных и нравственно-оценочных полномочий субъектов.

Таблица 2
Отличия традиционного права от машиночитаемого

Характеристика	Традиционное право	Машиночитаемое право
Формат	Естественный язык (текст законов)	Формальные языки, логические правила
Интерпретация	Требует юриста/судьи	Автоматическая обработка
Неоднозначность	Высокая (двусмысленности)	Минимальная (строгая логика)
Скорость применения	Дни/месяцы	Секунды/миллисекунды
Масштабируемость	Ограниченная	Практически безграничная

Уровни машиночитаемости.

Уровень 0: Традиционный текст

↓

Уровень 1: Оцифрованный текст (PDF, DOCX)

↓

Уровень 2: Структурированный текст (XML, JSON)

↓

Уровень 3: Формализованные правила (LegalRuleML, SBVR)

↓

Уровень 4: Исполняемый код (смарт-контракты)

Проблема в том, что принципы - это нормы высшей степени абстракции, которые плохо поддаются однозначной алгоритмизации. Однако именно они задают границы и «красные линии» для любого программируемого правоприменения.

Рассмотрим подробнее роль принципов уголовного судопроизводства в контуре машиночитаемого права. Машиночитаемое право стремится перевести нормы из текстового вида (правовой документ) в исполняемый код.

Таблица 3
Соотношение компонентов машиночитаемого права, проблем алгоритмизации и принципов уголовного судопроизводства.

Компонент МЧП	Проблема для алгоритмизации	Влияние процессуального принципа
Формализация диспозиций (если А, то В)	Норма может быть сформулирована через оценочные понятия («разумный срок», «достаточные основания»).	Принцип законности (ст. 7 УПК) - требует, чтобы алгоритм не расширял круг дозволенного, т.е. код должен быть точной копией нормы.
Принятие процессуальных решений (задержать/не задержать)	Решение зависит от субъективной оценки доказательств.	Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК) - блокирует любой алгоритм, который мог бы «автоматически» признать лицо виновным. Система не может выдать обвинительный вердикт - только судить о соответствии фактов гипотезе обвинения.
Оценка доказательств	Невозможно «закодировать» свободное убеждение судьи.	Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК) - является техническим ограничителем: никакой алгоритм не может подменять внутреннее убеждение. МЧП может лишь помогать систематизировать доказательства, но не делать «выводы» о их достоверности.
Распределение процессуальных ролей	Автоматизация подмены функций защиты/обвинения.	Принцип состязательности (ст. 15 УПК) - требует архитектурно разделять код для стороны обвинения, защиты и суда. Если система, созданная для обвинения, попытается выполнят функцию суда — это будет нарушением принципа.

Некоторые принципы, будучи записанными в формальном коде, перестают быть декларациями и становятся встроенными ограничениями (hardcoded safeguards). Пример с принципом неприкосновенности личности (ст. 10 УПК):

- В традиционном праве: следователь может принять решение о задержании;

- В машиночитаемом праве: код должен содержать проверку на наличие судебного решения;

- Алгоритм: If (СудебноеРешение == NULL) then (БлокироватьЗадержание = True) else (РазрешитьЗадержание = True);

- Влияние принципа: создается нормативное препятствие для «автоматического» ареста.

Принципы, содержащие оценочные категории, являются главным препятствием для тотальной автоматизации. Выделяются следующие градации влияния.

Принцип (и его оценочная категория)	**Тип алгоритма, который возможно применить**
Разумный срок (ст. 6.1 УПК)	Хронометражный алгоритм - расчет предельных сроков, автоматическое уведомление о превышении.
Достаточность доказательств (вывод из ст. 17)	Пороговая модель - проверка наличия минимального набора фактов, но окончательный вывод за человеком.
Уважение чести и достоинства (ст. 9 УПК)	Фильтр запретов - запрет на обработку данных, унижающих достоинство (например, запрет на публикацию видео обнаженного тела).

Принцип состязательности и архитектура «Rules as Code». Здесь влияние наиболее структурное. Для реализации состязательности необходимо зеркалирование данных. Здесь необходимо отметить, что систему машиночитаемого права можно представить следующим образом: стороны направляют информацию в хранилище доказательств, после чего происходит анализ по алгоритму и появляется человекочитаемый приговор.

График 1. Траектория машиночитаемого права в уголовном судопроизводстве.

При этом принцип состязательности требует, чтобы код не отдавал приоритет стороне обвинения. Алгоритм не может «доверять» доказательству только потому, что оно предоставлено обвинением. Системы МЧП должны строиться по принципу «черного ящика» для сторон - код не должен априори ассоциировать факт с виновностью.

Риски и ограничения имплементации принципов уголовного судопроизводства в машиночитаемое право. Редукция (упрощение) принципов. При попытке «закодировать» принцип можно потерять его сущность. Например, принцип свободы оценки доказательств невозможно перевести в логическую формулу, не исказив его. Это останется зоной исключительно человеческого усмотрения.

«Черные ящики» и непрозрачность. Если код принятия решений по уголовному делу будет скрыт (закрытый алгоритм), это нарушит принцип гласности (ст. 241 УПК) и равенства сторон (ст. 244 УПК).

Риск «цифрового обвинительного уклона». Алгоритм, обученный на статистике (большинстве обвинительных приговоров), может автоматически генерировать обвинительный уклон. Это прямое нарушение принципа презумпции невиновности.

Заключение

Многогранность природы и значения принципов уголовного судопроизводства в обеспечение прав участников предполагает наличие необходимой инфраструктуры под их реализацию. В настоящее время под этим понимается деятельность должностных лиц и органов, в чьи функции входят данные полномочия. То есть, участие человека является ключевым в данном вопросе.

Машиночитаемое право как элемент высокотехнологичного права может повысить качество реализации принципов, доверие сторон к процедурам уголовного судопроизводства в целом. При этом до конца не сформирован механизм, как с технической, так и нормативно-правовой позиции для внедрения принципов в машиночитаемое право. Требуется пересмотреть административный подход законодателя и правоприменителя, так как технически уже сейчас возможно реализовать ряд принципов через элементы машиночитаемого права.

Литература

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. Т. 25. – № 4. – С. 735-749.

2. Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2(76). – С. 163–172.)

On the Principles of Criminal Procedure in Machine-Readable Law

Devyatkin G.S.
Moscow Institute of Electronic Technology

This article examines the problem of implementing fundamental principles of criminal procedure in the context of digitalization and technological progress. The author analyzes the concept and characteristics of high-tech law, as well as machine-readable law as a component thereof. An attempt is made to examine the problematic aspects of the risks associated with implementing the principles of criminal procedure in the context of machine-readable law and ensuring the rights of participants.

Conclusions: It is advisable to consider the development of machine-readable law through the technical and legal feasibility of ensuring the implementation of the principles of criminal procedure as the most sensitive area of guaranteeing the rights of participants.

Keywords: criminal procedure, digitalization, high-tech law, legal principles, presumption of innocence, right to defense.

References

1. Bertovsky, L. V., “High-Tech Law: Concept, Genesis, and Prospects,” Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 735–749.

2. Puchkov, O. A., “Law in the Mirror of High Technologies: A Comparative Analysis of Legal Development Trends,” The Legal State: Theory and Practice. 2024, No. 2 (76), pp. 163–172.